

структур предприятия металлургии не выжили. Серьезную стабилизирующую роль сыграл экспорт металла и изделий за рубеж.

Следующим периодом являлась стагнация 1995–1997 гг. Тогда происходил передел собственности в стране и отрасли, отсутствовало реальное финансирование и госзаказ, а предприятия были предоставлены сами себе. Отрасль перестала существовать как единое целое. Предприятия были предоставлены сами себе, и во многом выжили в результате увеличения экспорта и помощи местных властей, заинтересованных в сохранении промышленного потенциала своего региона. Это привело к попытке местных элит установить контроль над предприятиями и выработке согласованной политики на низовом уровне путем создания ФПГ, а затем и холдингов.

Наконец, последний этап, начавшийся с девальвации рубля в августе 1998 г., когда начался рост производства и качественных показателей в металлургической промышленности. Это произошло потому, что во второй половине 90-х гг. начинается процесс собирания предприятий отрасли в единый кулак под руководством областных и региональных структур. Начинает действовать ассоциация взаимодействия областей и республик Урала. Появляется Совет предприятий металлургического комплекса Свердловской области. Наряду с этим появляются объединения и холдинги. Выход из кризиса в металлургии начался в самом конце 90-х гг. и здесь черная металлургия опиралась на успехи цветной. В 1999 г. она дала прирост, который продолжается и сейчас.

Это вызвало повышенный интерес и соответствующее внимание к восстановлению управляемости предприятий как комплекса со стороны как центральных так региональных и местных властей и определенные капиталовложения в металлургический комплекс. Зреют тенденции в координации промышленной политики в рамках региона посредством создания региональных программ в рамках большого Урала под эгидой соведения уральских губернаторов.

Таким образом, несмотря на происходившие в 90-е гг. негативные процессы в экономике России и Урала, его геополитическое значение не уменьшилось, а увеличилось, как и роль металлургического комплекса, как одной из главных составляющих экономической мощи нашего края.

*В. В. Алексеев,
С. А. Нефедов*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наше время является временем пересмотра привычных взглядов, временем поиска новых подходов к оценке исторических событий. Предлагаются новые теории и заново рассматриваются старые, те, что были когда-то отвергнуты по политическим или иным мотивам. Одной из таких отвергаемых прежде и воскрешенных ныне теорий является диффузионизм – концепция истории, весьма популярная в 20-х и 30-х годах нашего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра. Последователи

Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, *фундаментальных открытий*. В общем смысле, *фундаментальные открытия* – это открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Это могут быть открытия в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие*, позволяющее раздвинуть границы обитания за счет соседей. Эффект этих открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Завладев новым оружием, народ, избранный богом, начинает расселяться из мест своего обитания, захватывать и осваивать новые территории. Это продвижение приобретает характер *волны завоеваний*; народы, подвергшиеся нашествию, либо истребляются, либо подчиняются пришельцам и становятся их рабами и данниками.

Первой исторически зафиксированной волной завоеваний было великое арийское нашествие XVIII-XVI веков до н. э. – в это время арии заняли Восточную Европу, прорвались на Ближний Восток, завоевали часть Индии и Ирана. Первопричиной этой грандиозной Волны было изобретение боевой колесницы; боевая колесница была *фундаментальным открытием* ариев, их всепобеждающим новым оружием. Другой пример фундаментального открытия – освоение металлургии железа. В середине VIII века ассирийский царь Тиглатпаласар III создал тактику использования железа в военных целях – он создал вооруженный железными мечами «царский полк». Это было фундаментальное открытие, за которым последовала волна ассирийских завоеваний и создание великой Ассирийской державы. Ассирийская держава погибла в конце VII века до н. э. в результате нашествия мидян и скифов. Скифы были первым народом, научившимся стрелять на скаку из лука, и передавшим конную тактику мидянам и персам. Появление кавалерии было новым фундаментальным открытием, вызвавшим волну завоеваний, результатом которой было рождение мировой Персидской державы. Персов сменили македоняне, создавшие македонскую фалангу – новое оружие, против которого оказалась бессильна конница персов. Фаланга воочию продемонстрировала, что такое новое оружие – до тех пор мало кому известный малочисленный народ внезапно вырвался на арену истории, покоров половину Азии. В начале II века до н.э. македонская фаланга была разгромлена римскими легионами – римляне создали маневренную тактику полевых сражений; это было еще одно фундаментальное открытие – ведь новым оружием может быть не только собственно вооружение, но и новая военная тактика.

Не следует думать, что волны завоеваний были реальностью лишь древнего мира или средних веков – это была реальность всей мировой истории. Европейцы потеряли ощущение этой реальности лишь потому, что в XVIII-XIX веках волны нашествий исходили из Европы. Фундаментальным открытием XIX века было нарезное огнестрельное оружие; это открытие стало достоянием сразу нескольких стран Европы, поэтому волна завоеваний ушла в Азию и Африку – она привела к созданию колониальных империй. Многие народы Азии и Африки были обращены в рабов «белого человека» – потому что новое оружие во все времена несло победенным рабство.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как *динамичную картину волн завоеваний, порождаемых происходящими в разных*

странах фундаментальными открытиями. По существу речь идет о технологической интерпретации исторического процесса, о том, что исторические события определяются не чем иным, как развитием техники и технологии – и в особенности военной техники.

Война – это великое дело для государства, – писал великий философ и полководец Сунь-цзы. – Война – это корень жизни и смерти, это путь существования и гибели. *Это нужно понять.*

* * *

Новое оружие обеспечивает его обладателям решающее преимущество перед другими народами, и история дает очень мало примеров битв, в которых, народу, подвергнутому нашествию, удалось остановить Волну. В 732 году в битве при Пуатье франкам удалось остановить обрушившуюся на Европу арабское нашествие. Новым оружием арабов была тяжелая кавалерия – всадники, одетые в кольчуги, вооруженные саблями, и сидевшие в седлах, опираясь на стремена. Франки сумели быстро перевооружиться по арабскому образцу и создать рыцарскую конницу; это реформа определила весь ход европейской истории. Другой пример – это Полтавское сражение 1709 года; после поражения под Нарвой русским удалось быстро перевооружиться и перенять новое оружие шведов, легкие полевые гаубицы. Русским, так же как и франкам, удалось воспользоваться паузой в наступлении противника – это был счастливый случай; если бы враг не остановил на время своего наступления, история пошла бы по иному пути. Имеется лишь один пример, когда народу, подвергнутому удару Волны, удалось перенять оружие противника прямо в ходе сражений. Этот пример – Великая Отечественная война.

В период между двумя мировыми войнами многие военные теоретики говорили и писали о том, что использование танков приведет к перевороту в военном деле. Однако военное руководство обычно стояло на консервативных позициях: «Ни во Франции, ни в Англии не сознавали последствий этого нового обстоятельства», – признавался Уинстон Черчилль. В Советском Союзе предпринимались попытки создания механизированных корпусов, но отсутствие надежной радиосвязи привело к тому, что эти корпуса оказались неуправляемыми; в сентябре 1939 года они едва не заблудились на просторах Западной Украины и через месяц были расформированы. Последовательная работа по созданию нового оружия велась лишь в Германии – поэтому его создателем можно по праву назвать командующего одной из первых немецких танковых дивизий, генерала Гейнца Гудериана. В 1937 году Гудериан опубликовал книгу «Внимание, танки!», в которой описал стратегию, которую позже стали называть «блицкригом», «молниеносной войной».

Идея блицкрига заключалась в том, что танковые колонны внезапно, без артподготовки, обрушиваются на узкие участки вражеской обороны, взламывают ее и выходят на оперативный простор. Они стремительно движутся по дорогам в тылу противника и смыкают клещи в глубине вражеской территории. Армии противника оказываются в окружении, без боеприпасов, без связи, с нарушенным управлением; солдат противника охватывает паника – и через некоторое время они вынуждены капитулировать. Огромная роль в блицкриге отводи-

лась взаимодействию танков и авиации; самолеты-штурмовики должны были постоянно сопровождать колонну танков и расчищать ей дорогу. Авиация выбрасывала десанты, чтобы захватить мосты на пути движения; транспортные самолеты обеспечивали снабжение боеприпасами и в случае необходимости – горючим. Танки сопровождала пехота на бронетранспортерах, а вслед за танковыми дивизиями следовали моторизованные дивизии, создававшие внутренний фронт окружения. Едва ли не главным в этой стратегии было поддержание устойчивой радиосвязи; каждый немецкий танк имел рацию; танки постоянно поддерживали связь с авиацией и наводили ее на цель, а авиация сообщала танкистам обо всех передвижениях противника.

Таким образом, идея блицкрига не сводилась к танковому прорыву; *новым оружием*, изобретенным Гейнцем Гудерианом, был не просто танк, а *тактика использования танков во взаимодействии с авиацией и мотопехотой*. При этом ставка делалась не на огневую мощь, а на скорость и маневренность; все подчинялось принципу «быстрее вперед!» – поэтому пехота была посажена на бронетранспортеры, а вместо артиллерии использовалась авиация. Это была рискованная стратегия; она требовала, чтобы все танки были отняты у пехотных дивизий, собраны в танковые корпуса и использовались в первом ударе. В отличие от французских и русских дивизий, *немецкие пехотные дивизии не имели танков* – поэтому немецкая пехота была заведомо слабее пехоты противника. Пехоте предназначалась пассивная роль; она должна была держать фронт окружения до тех пор, пока у противника не кончатся боеприпасы.

На больших маневрах осенью 1937 года Гудериан продемонстрировал Гитлеру и Муссолини всю мощь идущей на прорыв танковой армады. Впечатление было сильным, Гитлер назначил Гудериана командиром первого немецкого танкового корпуса и поручил ему руководить танковыми войсками при оккупации Австрии. Была развернута программа строительства бронетанковых соединений; войска получали танки новых типов, было налажено производство бронетранспортеров. Появились самолеты, которые должны были поддерживать пехоту и танки – знаменитые пикирующие бомбардировщики Ю-87. В ноябре 1938 года Гудериан был назначен генерал-инспектором бронетанковых сил, и Гитлер в личной беседе обещал ему всяческую поддержку в создании нового рода войск. Однако верховное командование вермахта не верило в возможности нового оружия и считало Гудериана авантюристом. Все начинания генерал-инспектора встречали упорное сопротивление главнокомандующего Браухича и начальника генштаба Гальдера; в преддверии войны с Польшей Гудериана отправили в войска простым корпусным командиром. Браухич и Гальдер были не одиноки в своем консерватизме, военное руководство других стран также скептически относились к возможностям массированного применения танков. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: *накануне второй мировой войны никто не знал о существовании нового немецкого оружия – и сами немцы не сознавали его возможностей*.

Сегодня, зная о произошедшем впоследствии, многие склонны обвинять политиков в близорукости и ошибках. Однако в те времена никто не мог представить того, что произойдет в ближайшем будущем – никто не знал о существовании *нового оружия*. Военные и политические деятели исходили из старых представлений о мощи европейских армий. В соответствии с этими представлениями

сильнейшей из этих армий была французская; Черчилль считал ее «наиболее подготовленной и надежной мобильной силой в Европе». Польская армия считалась сильнее русской – ведь поляки одержали верх в войне 1920 года, поэтому Англия и Франция предпочитали иметь в союзниках не Россию, а Польшу. Германская армия находилась еще на стадии формирования, и фюрер говорил своим генералам, что не собирается начинать войну раньше 1943 года. В 1939 году немецкие генералы считали войну губительной: они не верили, что удастся одержать быструю победу над Польшей. Поляки, со своей стороны, были уверены, что выдержат удар немцев: французы обещали им, что на 15 день войны перейдут в генеральное наступление на западном фронте.

Многие западные историки полагают, что Англия своими необдуманными действиями спровоцировала Гитлера напасть на Польшу. Однако Гитлер смог решиться на это, лишь заключив соглашение с Россией; он убедил немецких генералов в том, что Россия ударит в тыл полякам – и они одержат быструю победу. Сталин, в свою очередь, был уверен в том, что заключает выгодную сделку: он получит часть Польши, а на западе начнется долгая война между врагами России. Все действовали из традиционных представлений – никто не предвидел грядущих событий, никто не знал, что в руках Германии находится *новое оружие*.

Гитлер до последнего момента рассчитывал, что ему удастся избежать мировой войны. Очевидцы утверждают, что при известии об английском ультиматуме фюрер едва не упал в обморок – но вскоре его настроение заметно улучшилось. Побывав в корпусе Гудериана, фюрер был восхищен быстротой его продвижения и тем, что оно проходит почти без потерь. Новое оружие начало действовать – это было настолько неожиданно, что немцы сами удивлялись своим успехам. 600 танков 16 танкового корпуса с ходу прорвали польскую оборону и, пройдя за 8 дней 240 километров, подошли к Варшаве; корпус Гудериана за две недели преодолел 700 километров и достиг Бреста. 16 сентября польское правительство бежало в Румынию; окруженные в нескольких «котлах» 700 тысяч польских солдат положили оружие. «Успехи войск баснословны», – писал начальник германского генштаба генерал Гальдер. Потери германской армии были минимальными – 8 тысяч человек.

Многие историки и политики обвиняли Францию в том, что она не оказала помощи Польше – но в действительности, французская армия просто не успела этого сделать; *новое оружие* разрушило все планы. Многие историки удивляются тому, что затем началась «странная война» – но в действительности, в этой войне не было ничего необычного. Странная война – это была обычная окопная война образца 1914-18 годов; в те времена зимой на фронте всегда наступало затишье, противники не вели активных операций. «Странной» эта война стала лишь впоследствии, по контрасту с тем, что происходило позже – *новое оружие* изменило восприятие войны и ее характер, боевые действия стали вестись и зимой.

Французские генералы воевали как двадцать лет назад, они еще не поняли, что произошло в Польше. Но Гитлер сразу осознал, что в его руках находится *новое оружие*. Его первой реакцией был восторг, второй – желание как можно быстрее атаковать Францию. Однако блицкриг в Польше не убедил немецких генералов: они продолжали хранить осторожность, они говорили, что Франция – это не Польша. Браухчи и Гальдер воевали как двадцать лет назад, они всячески оттягивали наступление на Западе: они, как и раньше, считали его губительным. Что-

бы предотвратить «гибель Германии», немецкие генералы составили заговор против фюрера – такого еще не было в германской армии. В других странах так же не верили, что немцам удастся повторить блицкриг на полях Франции: никто, кроме Гитлера (и Гудериана), еще не верил во всемогущество нового оружия. «Я почти один в германской армии верил в это», – писал Гудериан.

Союзники использовали военное затишье для формирования и переброски на континент новых английских дивизий. Время работало на союзников – поэтому Германия должна была наступать. 10 мая 1940 года началось немецкое наступление на Западе; 15 мая 1300 танков Гудериана и Клейста прорвали французский фронт в Арденнах. Немецкое командование приказало Гудериану остановиться и подождать пехоту; оно собиралось наступать, как встарь, со скоростью пехотных колонн. И тут произошло неожиданное: Гудериан отказался подчиняться приказу. Танковая колонна рванулась на запад; немецкие танки мчались по шоссе на дорогам в тылу союзников, почти не встречая сопротивления. Пройдя за 5 дней 350 километров, корпус Гудериана 20 мая вышел к Ла-Маншу. «15 часов, – записал в своем дневнике офицер английского генштаба. – Поступили сообщения, что германские танки вышли к Амьену. Похоже на нелепый кошмар. Британский экспедиционный корпус отрезан. Мы лишились коммуникаций... Немцы идут на любой риск, и все им сходит с рук... они делают все, что не сделали бы грамотные военные и все же добиваются своего. Французский генеральный штаб парализован этой необычной подвижной войной. Нынешние быстро изменяющиеся условия не предусмотрены в учебниках...» Французские и английские генералы не понимали, что произошло – ведь союзники имели больше танков, чем немцы, и французские танки были лучше немецких. Все объяснялось тем, что французские танки были распределены между пехотными дивизиями, а немецкие были собраны в один кулак – и тем, что оружие блицкрига – это были не просто танки.

После прорыва немцев к морю более миллиона французских, английских и бельгийских солдат были отрезаны от основных сил. Немецкие танковые корпуса продвигались вдоль побережья, почти без сопротивления занимая французские порты. Объятые паникой французы бросали оружие; английская экспедиционная армия отступала к Дюнкерку – это был единственный порт, откуда англичане могли эвакуироваться на родину. Но Гудериан подошел к Дюнкерку на два дня раньше; немецкие танки уже стояли перед беззащитным городом – и тут поступил приказ остановить наступление. «Мы лишились дара речи», – вспоминал Гудериан.

«Стоп-приказ» Гитлера стал одной из загадок истории; остановка танков Гудериана позволила 300 тысячам англичан избежать гибели или плена и переправиться через пролив. Одно из распространенных объяснений этой загадки состоит в том, что Гитлер *еще не умел обращаться с новым оружием*; он был обеспокоен сообщениями о большом количестве вышедших из строя танков и хотел сохранить танковые дивизии для «битвы за Францию». В действительности потери немцев боли невелики – поврежденные танки ремонтировались и снова вступали в строй.

«Чудо в Дюнкерке» не облегчило участь Франции. Через день после эвакуации англичан немецкие танковые корпуса прорвали французский фронт на Сомме. 25 июня Франция капитулировала. Французская армия потеряла 84 ты-

сочи убитыми, полтора миллиона французских солдат сдались в плен. Потери вермахта составили 27 тысяч убитыми. Победа была почти бескровной; немцы не бомбили французские города и заводы; все это стало добычей победителя. Правда, Англия не положила оружия – она была недоступна за своими проливами; танки не могли плавать по морю. Тем не менее, фантастическая победа Германии повергла в шок всю Европу – многим стало понятно, что в руках Гитлера находится *новое оружие*.

Обладание абсолютным оружием отменяет все моральные принципы, Гитлер много раз повторял, что победителя не судят. Абсолютное оружие позволяет вести войну на уничтожение, после которой никто не призвет победителя к ответу. Обладателю новым оружием «сверхчеловеку» дозволена любая жестокость, а побежденные «недочеловеки» должны стать рабами. Всесокрушающий меч диктует политику своему хозяину – он требует, чтобы его использовали, пока он не затупится. *Фундаментальное открытие* всегда порождает *волну завоеваний* – волну, которая стирает с лица земли народы и государства, делает одних господами, а других – рабами. Обретя новое оружие, немецкая армия должна была двинуться на завоевание мира – независимо от воли Гитлера и независимо от того, какую страну ей предстояло завоевать первой.

Таким образом, нападение на Россию было неизбежностью. Гитлер заговорил о походе в Россию сразу же после окончания французской кампании – он торопился использовать новое оружие, пока его не скопирует противник. Сталин понимал эту угрозу; он был напуган «блицкригом» во Франции; он искал встречи с германским послом, он говорил: «Мы должны остаться друзьями!». Вместе с тем, Сталин пытался как можно быстрее перенять новое оружие Германии; он восстанавливал механизированные корпуса и создавал штурмовую авиацию. Это должно было ускорить неизбежное германское нападение – Гитлер не мог позволить, чтобы его оружием овладел другой.

Парадоксально, но то, что интуитивно понимал Сталин, осталось непонятым советским Генштабом. Военные-профессионалы знали, что у Советского Союза намного больше танков, чем у Германии, и советские танки лучше немецких. *Они не понимали, что новое оружие – это не просто танки*. Лишь один из советских командиров, военный теоретик Г.Иссерсон, бил тревогу и призывал извлечь уроки из блицкрига во Франции. На совещании Генштаба 23-30 декабря 1940 года Тимошенко и Жуков отвергли доводы Иссерсона; они говорили, что Советский Союз – это не Польша и не Франция; они говорили, что Германии потребуется 15 дней, чтобы ввести в бой главные силы; за это время Красная Армия сумеет сосредоточиться и отразить удар. Позднее Жуков признался, что не мог представить себе, что Германия введет главные силы в первый же день войны. Но это признание было запоздалым.

22 июня германские войска вторглись в Россию. Полторы тысячи танков Гудериана и Гота двумя колоннами прорвались сквозь русскую оборону, за 6 дней прошли 400 километров и соединились под Минском. В этом первом котле было взято в плен 330 тысяч русских солдат и захвачено 3 тысячи танков. Советская армия терпела тяжелые поражения – однако паники не было. «Несмотря на то, что мы продвигаемся на значительные расстояния... – писал немецкий танкист, – нет того чувства, что мы вступили в побежденную страну, которое мы ис-

пытывали во Франции. Вместо этого – сопротивление, постоянное сопротивление, каким бы безнадежным оно не было».

Началась народная война, тысячи добровольцев осаждали военкоматы. Приграничные советские армии были уничтожены или взяты в плен – но новые армии создали новый фронт на Днестре. Танковые группы Гудериана и Гота снова прорвали фронт и окружили эти армии у Смоленска – но сражение затянулось, и русские успели создать новый фронт под Москвой. Огромная страна высылала навстречу врагу новые и новые армии; эти армии гибли – но на смену им приходили другие. К ноябрю 1941 года немцы взяли в плен около 4 миллионов русских солдат; танки Гудериана и Гота вплотную подступили к Москве – и тут началась распутица. Автоколонны с войсками, боеприпасами и топливом беспомощно застряли на дорогах; налаженное взаимодействие с пехотой расстроилось. Гудериан собрал остатки топлива и бросил 700 танков в обход Москвы с юга – но здесь его ждал новый сюрприз. 6 октября передовая немецкая бригада встретилась под Мценском с новыми русскими танками Т-34; немецкие снаряды отскакивали от брони русских танков. Русские искусно маневрировали на поле боя; за сутки немцы потеряли около ста машин. «Они кое-чему уже научились... – писал Гудериан. – Это было душевное потрясение...».

Тем не менее, у Гудериана было численное превосходство, 30 октября немецкие танки подошли к Туле – и тут началась зима. Новое оружие выпало из рук Германии: моторы танков не заводились, самолеты не могли подняться в воздух, автотранспорт остановился, поставка горючего прекратилась. Боеприпасы доставляли на фронт в санях, и не было возможности подвезти зимнее обмундирование. Гудериан был в отчаянии: «Наши войска испытывают мучения, наше дело находится в бедственном состоянии...» – писал генерал.

На смену войне моторов пришла война людей – и оказалось, что завоеватели – это отнюдь не «сверхчеловеки». 17 ноября войска Гудериана впервые охватила паника – целые полки в ужасе бежали от контратаки русских. Вскоре началось большое русское наступление, и Гудериан вопреки распоряжению фюрера, приказал отходить. Гитлер находился в далекой Пруссии, он не понимал, что происходит, он приказывал наступать на Москву. 20 декабря Гудериан прибыл в ставку, чтобы объяснить фюреру, что у него уже нет нового оружия, что время блицкрига – это лето, а теперь настала зима. Гитлер не хотел ничего слушать, он был в ярости, он отправил в отставку Браухича и трех командующих группами армий – а затем и Гудериана.

Зима дала России столь необходимую передышку. Для того чтобы отразить врага, нужно было создать свое новое оружие, свои танковые армии. Эвакуированные танковые заводы были размещены под Челябинском; десятки тысяч рабочих днем и ночь строили знаменитый Танкоград – огромный комбинат по производству танков. Усилиями конструкторов и ученых была освоена штамповка танковых башен и автоматическая сварка брони; это позволило наладить поточное производство танков – такого еще не было нигде в мире. Когда Гитлеру сообщили, что в России производят 700 танков в месяц, он в гневе закричал: «Не верю!» – в Германии производили вдвое меньше. В действительности поточное производство давало не 700, а 2 тысячи танков в месяц; за 1942 год советская армия получила 24 тысяч танков! К тому же большинство этих танков – это были лучшие в мире танки Т-34, предмет злой зависти немецких танкистов. Всему это-

му, действительно, трудно было поверить; находившаяся на грани гибели Россия по мановению ока превращалась в сильнейшую танковую державу. В течение 1942 года были созданы 28 танковых корпусов и две танковые армии; это была армада, которая должна была остановить блицкриг.

С наступлением лета германская армия вновь обрела свое казавшееся непобедимым оружие и перешла в наступление; советские армии были окружены под Харьковом, 800 танков Гота прорвались к Дону. В начале июля Жуков бросил навстречу армии Гота пять танковых корпусов, более тысячи танков. Но Гот уклонился от боя, повернул на юг и заслонился от контрудара пехотными дивизиями. Русские танковые корпуса вступали в бой по отдельности, без поддержки авиации, управление многими частями было потеряно – и контрнаступление захлебнулось. Эти бои показали, что недостаточно иметь много танков, нужно освоить тактику блицкрига, научиться воевать так, как воевали Гудериан и Гот. Немецкие танковые армии продолжали свое победное шествие, они прорвались на Кавказ и вышли к Волге у Сталинграда. Однако в Сталинграде германская армия втянулась в затяжные бои; тем временем Жуков готовил новый танковый удар.

На этот раз все было рассчитано правильно. 19 ноября 1942 года шесть корпусов, около тысячи танков, прорвали немецкий фронт севернее и южнее Сталинграда, за четыре дня прошли 150 километров и соединились в районе Калача. Это был первый русский блицкриг; в кольце окружения оказалось более 300 тысяч солдат армии Паулюса. Гитлер был в шоке; он понял, что русские тоже обладают новым оружием. Танковая армия Гота рванулась к Сталинграду – но в 40 километрах от города, на реке Мышкова, немецкий танковый клин был встречен русскими танками и пехотой. Армия Гота было отброшена; Россия остановила волну немецкого нашествия.

* * *

Титаническим усилием, ценой миллионов жертв, России удалось остановить нашествие противника, обладающего *новым оружием*. Такого еще не было в мировой истории, которая видела много волн завоеваний, порожденных фундаментальными открытиями. Теория диффузионизма утверждает, что фундаментальные открытия и волны завоеваний являются главными движущими силами истории – хотя конечно, не единственными движущими силами. Эта теория позволяет сравнивать ход событий в различные исторические эпохи, находить общее и особенное. Она дает новую интерпретацию истории Второй Мировой войны, которая позволяет объяснить некоторые моменты, вызывающие недоумение историков – странные ошибки политических деятелей; удивительные победы вермахта, агрессивность германской политики и забвение Гитлером моральных норм. Но самое главное, она позволяет осознать суть событий – осознать величие подвига народа, который остановил Волну.